

ФИЛОЛОГИЯ*(специальность: 10.02.19)*

УДК 81

Л.В. Гриченко*Южный федеральный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

rgrichenko@yandex.ru

**СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
КОСВЕННЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ
В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ****[*Lyudmila V. Grichenko* Semantics and functioning of indirect means
of motivation in Russian paremias]**

It is considered the semantics and communicative functioning of indirect means of motivation in Russian paremias. It is proved the polyfunctionality of proverbs, their varying addressee and temporal orientation, the determination of functioning by the context. The discursive nature of paremias allows, in addition to the traditionally distinguished features of proverbs in statics (didacticity, stability, isolation), to add a number of characteristics (extracontextual generalization of the subject, varying temporal orientation, polyfunctionality) that are found in communicative functioning and act as differential ones. The analysis reveals a wide set of structures that express various shades of motivation and have rich communicative and pragmatic potential in Russian paremias.

Key words: paremia, paremic discourse, semantics, indirect motivation, communicative and pragmatic potential.

Обращаясь к исследованию паремий, ученые часто акцентируют научный интерес на пословицах, рассматривая их среди основных конститuentов паремического фонда. При многообразии единиц, традиционно относящихся к паремиям, пословицы заслуженно занимают отдельную нишу и нередко рассматриваются обособленно. Подобный статус пословиц объясняется совмещением фольклорных и языковых характеристик, что позволяет объединить усилия фольклористов, паремиологов, фразеологов с целью непротиворечивого описания явления, учитывающего всю полноту его характеристик, выделяемых учеными различных лингвистических направлений.

Смещение вектора научных исследований в сторону антропоцентризма, согласно которому центром мироздания провозглашается человек и его деятельность, обусловило появление новых подходов к изучению явлений, изначально детально описанных в рамках формалистского подхода. Бесспорно, к ряду таких явлений относятся и пословицы, чья семантика и структура подробно изучались отечественными и зарубежными учеными на протяжении XX века (З.К. Тарланов, Г.Л. Пермяков, Н.М. Шанский, Н.Н. Амосова и др.).

В настоящее время к исследованию паремий ученые подходят с позиций лингвоцентризма, текстоцентризма, антропоцентризма, в совокупности способствующих глубокому анализу фольклорных текстов в рамках различных научных парадигм, позволяющих всесторонне изучить их коммуникативно-функциональные, прагматические и лингвокультурологические особенности. Описание паремий в рамках обозначенных направлений позволяет рассмотреть их сущность не только в статике, но и динамике. Рассмотрение коммуникативного функционирования паремий в различных типах дискурса, лингвистические и экстралингвистические факторы вариативности изначально устойчивых единиц, богатый прагматический потенциал, а также лингвокультурная детерминированность пословичного текста составляют круг актуальных вопросов, к анализу которых обращаются современные отечественные и зарубежные исследователи пословиц (Е. А. Ошева, Н. Р. Ойноткинова, О. Е. Фролова, Г.Д. Сидоркова, Е.И. Селиверстова, М.А. Кулькова, Н.Н. Константинова, W. Mieder, H. Jason, др.). Вместе с тем, несмотря на достаточно глубокую разработку этих вопросов, отдельные аспекты остаются неизученными до сих пор. Научную дискуссию вызывает статус паремий в кругу смежных явлений, их отнесение к вторичным знакам лингвокультуры, рассмотрение пословиц в рамках фразеологии и т.д.

Целью данной статьи выступает анализ семантики и коммуникативного функционирования косвенных средств выражения побуждения в русских паремиях. Материалом исследования являются 450 примеров русских пословиц, отобранных методом случайной выборки из словаря В.И. Даля «Пословицы русского народа» [4]. Новизна исследования состоит в рассмотрении пословицы как функционально-прагматического омомкомплекса, обладающего набором различных функций (назидательная, реактивно-оценочная, побудительная различной степени интенсивности)

и характеристик (полифункциональность, обобщенность субъекта действия, контекстуальная обусловленность, отсутствие однозначной временной и адресной направленности).

Опираясь на работы в области паремиологии, мы рассматриваем пословицу как частный случай паремии, понимая под паремиями замкнутые устойчивые фразы (пословицы и поговорки), являющиеся маркерами отношений и ситуаций [9]; «краткие устойчивые высказывания, синтаксически оформленные как ...предложения.., отражающие обобщенную формально закрепленную ситуацию, возведенную в формулу» [5, с.67]. Дискурсивный характер паремий раскрывается при их контекстном употреблении: «... полный анализ паремий можно провести только на фоне дискурса, где их прагматические установки расширяются, дополняются и конкретизируются» [6, с.2]; паремии, представляя собой дискурсивные единицы, всегда «находятся в ситуации реального общения» [2, с.16], где и актуализируются их потенциальные свойства. Таким образом, рассмотрение пословицы в реальных условиях функционирования позволяет выявить и проанализировать актуализацию богатого семантического и коммуникативно-прагматического потенциала пословицы.

Принятие дискурсивного характера паремий позволяет в дополнение к традиционно выделяемым чертам пословиц в статике (дидактичность, образность, устойчивость структуры и семантики) добавить ряд дифференциальных характеристик (безличность, диалогичность, внеконтекстуальная обобщенность субъекта действия, полифункциональность и т.д.) [3, с. 41-42], обнаруживающихся при коммуникативном функционировании. Возможность рассмотрения пословицы в статике (единица паремического фонда) и динамике (единица паремического дискурса) позволяет определить окончательный набор ее дифференциальных признаков, отличающих от смежных явлений.

Интеграция функционально-семантического, дискурсивного и прагматического подходов к анализу паремий способствовала выделению набора основных моделей предложений, использующихся в единицах паремического дискурса с целью назидания и побуждения. Регулярно встречающимися синтаксическими структурами в русских паремиях, реализующими в контексте значение побуждения различной интенсивности, являются предложения с глаголом 2-го лица повел. наклонения: *Живи с разумом, так*

и лекарок не надо [4, т2, с. 238]; с формой глагола 2-го лица изъяв. накл.: *На леченой кобыле немного наездишь* [4, т. 2, с. 314]; 3-го лица мн.ч. изъяв. накл.: *Думают думу без шуму* [4, т. 2, с. 238], инфинитивные предложения: *Где ласточке не летать, а к весне опять прибывать* [4, т.3, с. 158], часто метафоризированные двусоставные предложения с глаголом в изъяв. наклонении: *Лишние догадки невпопад живут* [4, т.2, с.242]; *Ранняя птичка носок прочищает, а поздняя глаза продирает* [4, т.2, с. 395]. Богатый коммуникативно-прагматический потенциал перечисленных синтаксических структур в поговорках русского языка получает окончательную реализацию только в контексте, выступая подтверждением полифункциональности и внеконтекстуальной обобщенности поговорок.

В данной статье мы останавливаемся на семантике и прагматике косвенных средств выражения побуждения. К таковым относятся все перечисленные структуры, кроме предложений с глаголом 2-го лица повел. наклонения. Семантика форм выражения косвенного побуждения в поговорках характеризуется комплексностью и многоплановостью, так как содержит две семы: побудительную и информативную, вследствие чего формальный показатель структуры не соответствует ее функционированию – побуждению коммуниканта к совершению / несвершению каких-либо действий в будущем. У.О. Вайнрайх полагает, что в подобных синтаксических структурах форматоры побудительного значения комбинируются с десигнативными компонентами повествовательных предложений в знаки смешанного типа [1], что обеспечивает безымперативной по форме поговорке реализацию косвенного побуждения.

Коммуникативно-прагматическое функционирование структур с косвенным побуждением в поговорках русского языка нацелено на реализацию нескольких интенций: репрезентацию констативного речевого акта, а также косвенного побуждения, что соответствует косвенному директиву, так как семантика побуждения таких предложений не является их основной и единственной функцией.

Вместе с тем, различные структурные типы предложений, реализующие косвенное побуждение в русских поговорках, обнаруживают особенности семантики и функционирования. Так, инфинитивные предложения, в отличие от форм сослагательного наклонения, отличаются категоричностью и подчеркнутым характером необходимости осуществления / неосуществления

действия, что объясняется базовой функцией инфинитива вербализовывать действие, по отношению к которому выражается интенциональная установка субъекта речи: *От беды ни откреститься, ни отмолиться* [4, т.1, с. 302]; *От чужих нажатков не нажить пожитков* [4, т.2, с. 620]. Приведенные примеры демонстрируют, что в паремиях инфинитивные предложения сохраняют функциональную специфику обозначения потенциально возможного/невозможного, обоснованного/необоснованного сопутствующими обстоятельствами действия, которое может восприниматься как желательное / нежелательное. В паремическом дискурсе такие структуры могут функционировать как побуждение, оценка, общее назидание, иллюстрирующее конвенционально закрепленную нормативную базу. Как следствие, они выступают модально полисемантическими и полифункциональными конструкциями с варьирующейся адресной и темпоральной отнесенностью: «актуализирующая ситуация, или психологический контекст пословицы, представляют собой систему имплицитных оценок, так что употребление пословицы вне этого контекста лишает ее свойственного ей смысла» [8, с.219]. Грамматическое значение времени инфинитив в таких предложениях получает только в контексте, определяющем изображаемую ситуацию как ретроспекцию или проспекцию по отношению к моменту речи.

Вместе с тем, в инфинитивных предложениях категоричность побуждения нередко оказывается ослабленной. К таким конструкциям относятся структуры, в которых содержится результат или следствие условия из первой части пословицы: *В окно подать – Богу подать* [4, т.3, с. 5]; *В напрасне побожиться – черта лизнуть* [4, т. 3, с.11]. Данные конструкции могут быть трансформированы без потери смысла в СПП, организованные по модели «если..., то». Семантика результативности и следствия оттесняет в них семантику долженствования и детерминирует реализацию констатирующей семантики.

Косвенное побуждение в паремиях также репрезентируется предложениями с инфинитивом, организованными по модели «слово с модально-оценочным значением необходимости, неизбежности + инфинитив»: *Хорошо на бурку валить – бурка все свезет* [4, т.3, с. 55]; *Лучше по миру собирать, чем чужое брать* [4, т. 1, с. 311]; *Лучше жить в зависти, чем в жалости* [4, т. 3, с. 51], которые характеризуются меньшей степенью категоричности побуждения, нежели конструкции с гл. 2-го л. повелительного наклонения. В речи

они функционируют как совет / предостережение, реализуя функцию назидания, базирующуюся на противопоставлении действий, ситуаций в структуре формально безымперативного предложения.

В паремиях предложения с инфинитивом, в одной из частей которых встречается наречие с модально-оценочным значением в начальной форме (*добро, хорошо, плохо и т.д.*), в другой – наречие в сравнительной степени: *Добро такать, а лучшие помогать* [4, т. 3, с. 5] при функционировании могут декодироваться и как сопоставительные, с соотносительной значимостью действий (*хорошо такать, но лучшие помогать*), и как противительные (*не потакай, а помогай*). Конструкции данной структурной организации могут функционировать как косвенное побуждение, общее назидание и оценка, семантика противопоставления в них формально базируется на сравнении, которое не разводится до полярных полюсов, так как оба наречия являются аксиологически положительно маркированными. Их функциональной особенностью является возможность выражения косвенного, некатегоричного побуждения, оценки действий в прошлом, общего назидания, регулируемого нормами поведения и ценностной идеализацией действительности в лингвокультурном сообществе, «что позволяет использовать их в тексте как смысловые сигналы оценочного и модального смысла» [7, с. 171].

Структурной разновидностью инфинитивных предложений со словами с модально-оценочным значением являются конструкции с элиминированным инфинитивом: *Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою* [4, т.1, с. 174], которые в паремиях русского языка часто квалифицируются как косвенное побуждение, а также синтаксические структуры с элиминированными модально-оценочными компонентами («хорошо», «легко», «добро», «плохо» и т.д.): *Учить того, кто слушает; бить того, кто плачет; просить того, кто дает* [4, т. 2, с. 682], их функционирование в контексте может соответствовать общему назиданию, косвенному побуждению или оценке действий какого-либо явления или лица в прошлом. Действие в паремиях подобной структурной организации, с одной стороны, обращено к адресату, с другой – не имеет определенной пространственной, а также темпоральной локации.

Конструкции с формой глагола 2-го л. изъяв. наклонения в русских паремиях выступают частым средством вербализации косвенного побуждения: *Без притчи веку не изживешь* [4, т.2, с. 345]; *На всякий час ума не напасешь*

ся [2, т. 2, с. 345]. Реализация семантики косвенного побуждения основана на стремлении адресанта оказать воздействие на поведение адресата путем констатации принятого/ отвергаемого в конкретном лингвокультурном сообществе. Внеконтекстуальная адресная и временная обобщенность таких паремий позволяет соотнести действие с любым адресатом и одним из трех грамматических времен: «пословица оформляется как темпорально и субъектно универсальное высказывание потому, что она передает суть события, которое не может трактоваться как прошедшее или происходящее в настоящее время, поскольку оно является типичным и совершается регулярно с теми или иными субъектами, в том или ином месте» [10, с. 205].

Семантика косвенного побуждения также репрезентируется конструкциями с формой глагола 3-го лица мн. ч. изъяв. наклонения: *К сонному попу на исповедь не ходят* [4, т. 2, с. 343]; *Алтынного вора вешают, а полтинного чествуют* [4, т.1, с. 362]. Возможность реализации паремиями данной синтаксической структуры косвенной семантики побуждения заложена в морфологической форме глагола и ее специфике призывать к действию, адресат которого несущественен, а внимание коммуникантов привлечено к действию. Отвлечение адресата от действия фактически соотносит его с неопределенным множеством лиц.

Итак, анализ семантики и функционирования косвенных средств выражения побуждения в паремиях русского языка позволяет сделать вывод о наличии широкого набора структур, актуализирующих различные оттенки побуждения и имеющих богатый коммуникативно-прагматический потенциал. В ходе описания семантики и функционирования структур с косвенным побуждением свое доказательство получает полисемантичесность и полифункциональность пословиц, адресная, темпоральная и функциональная взаимообусловленность пословицы, детерминированность функционирования контекстом.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Вайнрайх У.О.* О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып.5.
2. *Горбань И.В.* Роль паремий в речевых актах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010.

3. *Гриченко Л.В.* Проблема статуса и дифференциальных признаков пословицы // ФИЛОЛОГОС. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина. 2014. Выпуск 21 (1).
4. *Даль В.И.* Пословицы русского народа: в 3 Т. М., 1993.
5. *Кацюба Л.Б.* Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2013. Т. 10. №1.
6. *Константинова А.А.* Когнитивно-дискурсивные функции пословиц и поговорок в разных типах дискурса на английском языке: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2012.
7. *Моисеева И.Ю., Чудина Е.В.* Прагматические функции пословиц и поговорок // Вестник ОГУ. 2004. №11.
8. *Нистратов А.А.* Анализ семантической структуры пословиц и поговорок // Вопросы психолингвистики. 2015. № 26.
9. *Савенкова Л.Б.* Отрицательное сравнение в семантической структуре русских паремий // Филология и культура. 2015. №2 (40).
10. *Семененко Н.М.* Проблемы лингвистического статуса пословиц и поговорок // Лингвистические и методические основы филологической подготовки учителя-словесника. Старый Оскол, 2005. Т.1.

R E F E R E N C E S

1. *Weinreich W.O.* On the semantic structure of the language // New in Linguistics. M., 1970. No 5.
2. *Gorban I.V.* The role of paremias in speech acts: thesis abstract. Saratov, 2010.
3. *Grichenko L.V.* The problem of status and differential signs of a proverb // FILOLOGOS. Yelets: YSU named after I.A. Bunin. 2014. No 21 (1).
4. *Dal V.I.* Proverbs of the Russian people: in 3 vols. M., 1993.
5. *Katsyuba L.B.* Definition of paremia (linguistic aspect of the definition) // Bulletin of South Ural state university. Series: Linguistics. 2013. Vol. 10. No. 1.
6. *Konstantinova A.A.* Cognitive-discursive functions of proverbs and sayings in different types of discourse in English: thesis abstract. M., 2012.
7. *Moiseeva I.Yu., Chudina E.V.* Pragmatic functions of proverbs and sayings // Bulletin OSU. 2004. No. 11.

8. *Nistratov A.A.* Analysis of the semantic structure of proverbs and sayings // Problems of Psycholinguistics. 2015. No. 26.
9. *Savenkova L.B.* Negative comparison in the semantic structure of Russian paremias // Philology and culture. 2015. No. 2 (40).
10. *Semenenko N.M.* Problems of the linguistic status of proverbs and sayings // Linguistic and methodological foundations of the philological training of a language teacher. Stary Oskol, 2005. Vol. 1.

13 сентября 2020 г.
